УДК 808.51
Науч. спец. 10.02.20
DOI: 10.36809/2309-9380-2022-34-93-99

Ирина Владимировна Пекарская
Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Абакан, Россия
e-mail: pecar-61@mail.ru

Екатерина Андреевна Шпомер
Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Абакан, Россия
e-mail: catandre@rambler.ru

Элокутивная специфика эпитета: дефиниция и проблема классификации

Аннотация. В статье поднимается вопрос о статусе эпитета, который неоднозначно вписывается в теорию тропов, так как не всегда несет в себе переносное значение. На основе проведенного анализа предлагаем собственную трактовку эпитета, позволяющую классифицировать эпитеты-элокутивы с фиксацией внимания на особенностях их функциональной прагматики, а также его типологию.

Ключевые слова: троп, эпитет, логическое определение, контаминация, элокутив, функции элокутивов.

Irina V. Pekarskaya
Katanov Khakass State University, Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian Philology and Journalism, Abakan, Russia
e-mail: pecar-61@mail.ru

Ekaterina A. Shpomer
Katanov Khakass State University, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Philology and Journalism, Abakan, Russia
e-mail: catandre@rambler.ru

Elocutive Specificity of Epithet: Definition and Classification Problem

Abstract. The article raises the question of the status of the epithet, which ambiguously fits into the theory of tropes, since it does not always have a figurative meaning. Based on the analysis, we propose our own interpretation of the epithet, which allows us to classify epithets-elocutives with a focus on the features of their functional pragmatics, as well as its typology.

Keywords: trope, epithet, logical attribute, contamination, elocutive, functions of elocutives.

Введение (Introduction)

Аристотель называл эпитет наиболее «приятной» возможностью орнаментирования (украшения) поэзии [1, с. 207]. Но с античных времен данное понятие окружено целым рядом проблем. С одной стороны, эпитет воспринимался как троп (художественное определение), с другой стороны, эта дефиниция не удовлетворяла требованию, предъявляемому к тропам, которые рассматривались в античном каноне, а впоследствии в старых и новых русских риториках, как слова или выражения, обязательно включающие в себя перенос значения с одного предмета на другой (см.: метафора — перенос по сходству, метонимия — перенос по связи и т. д.).

Аристотель говорит о данном тропе как о «слове, приложенном», прибавленном к имени существительному, которое характеризуется этим эпитетом, поэтому возникает ассоциация «эпитет = имя прилагательное». Однако, начиная с античной традиции, в качестве эпитета можно было рассматривать не только прилагательное, но и существительное (несогласованное определение), и предложение.

Эпитет, вместе с тем являясь «художественным определением», далеко не всегда олицетворял собой перенос значений. Именно поэтому с античных времен он занимал особое место в тропеической системе языка, хотя специальное внимание на это обращено не было (см. об этом далее в настоящей статье).

Старые русские риторики говорят об эпитетах как о словах, «произношение которых вызывает в нас образ,

© Пекарская И. В., Шпомер Е. А., 2022

конкретное представление, отличное от того, которое составляет лексическое значение слова» [2, с. 5].

Впоследствии В. В. Виноградов в своих работах вне соотнесенности с эпитетом сделает очень важное замечание: образ отличается от представления тем, что первый конкретен, а второе абстрактно (см., например, [3]). Это замечание приобретет особую значимость для нас, когда мы встанем перед необходимостью соотнести понятия «логическое определение» и «эпитет-троп». Данная соотнесенность будет нами устанавливаться через сравнение их функциональной специфики.

Методы (Methods)

Методологической базой настоящей работы стали исследования по элокутивной прагматике отечественных и зарубежных ученых (А. Н. Абрамовича, И. В. Арнольд, А. Н. Веселовского, В. В. Виноградова, И. Р. Гальперина, В. М. Жирмунского, А. А. Зеленецкого, А. П. Квятковского, М. Н. Кожиной, Б. В. Томашевского; Э. Ризель, К. Фаулсеит, С. Крахл, Ж. Курз, Е. Сченделс и др.).

Языковой материал собирался методом сплошной выборки из русских, английских, немецких и французских художественных текстов. В статью включены примеры, наиболее ярко иллюстрирующие схожесть структурно-семантической и функциональной представленности эпитета в разных языковых картинах мира.

Анализ эпитета проводился с помощью описательного метода во всех его реализациях: наблюдение с целью сбора материала из разных европейских языков (русского, английского, немецкого, французского), обобщение (анализ, синтез) для системного (семантико-структурно-функционального) представления эпитета, интерпретация логического определения и эпитета-тропа в их соотнесенности, с помощью которой стало возможным зафиксировать и описать нюансы перехода от первого ко второму при создании художественного текста. Еще одним методом стал типологический, позволивший предложить классификацию эпитетов на основе их соотнесенности/несоотнесенности с другими тропами — контаминированные и неконтаминированные эпитеты.

Литературный обзор (Literature Review)

В лингвистике эпитет до настоящего времени не устоялся в традиционной дефиниции тропа. Данный факт зафиксирован в работах ряда ученых (см., например: [4, с. 118–119; 5, с. 152; 6, с. 3] и др.).

Традиционно эпитет рассматривается как художественное определение предмета в широком смысле, выполняющее функцию эстетического воздействия на воспринимающего. Кроме того, данный троп усиливает, выделяет рематическую информацию, акцентирует внимание адресата на доминирующем, по мнению адресанта речи, признаке того или иного предмета (см. об этом, например: [4, с. 119; 7, с. 58; 8, с. 5; 9, с. 115]).

И. Р. Гальперин подчеркивает факт атрибутивности эпитета, понимая его как средство выразительности, «основанное на выделении качества, признака описываемого явления, которое оформляется в виде атрибутивных слов или словосочетаний, характеризующих данное явление с точки зрения индивидуального восприятия этого явления» [10, с. 138].

А. П. Квятковский сужает понятие как о структурно-семантической, так и о функциональной специфике эпитета, рассматривая его как образную характеристику «лица, явления или предмета посредством выразительного метафорического прилагательного» [11, с. 35]. В данном определении, таким образом, с одной стороны, упоминается лишь одна из четырех функций эпитета (функциональное «сужение»), с другой, говорится о возможности контаминации эпитета лишь с одним тропом — метафорой — и лишь в рамках одной части речи — прилагательного (семантико-структурное «сужение»).

По нашему мнению, неполной является трактовка эпитета, предложенная Л. И. Тимофеевым, который считает, что эпитет как изобразительное средство есть троп, в связи с тем, что в нём наблюдается перенос значения одного слова на другое, реорганизуется «старое» значение в «новое» [12, с. 222]. Ученый характеризует лишь контаминированные эпитеты, т. е. эпитеты с наложением на них других тропов и/или фигур, которое и приводит к переносу семантики. Неконтаминированные же эпитеты, не предполагающие переноса, исходя из данной дефиниции, тропами не являются.

Нельзя считать универсальным и определение М. Н. Кожиной, которая формально соотносит эпитет только со словом (а им может быть и словосочетание, и предложение), а также, как и А. П. Квятковский, фиксирует внимание на одной из четырех его функций: «Эпитет — слово, образно определяющее предмет или действие, подчеркивающее характерное их свойство, также наиболее употребительно в художественной речи, где оно выполняет эстетическую функцию» [13, с. 97]. Подобную трактовку эпитета находим и у Ж. Марузо, который сужает понятие эпитета до прилагательного, тесно связанного с существительным и образующего с ним одну группу [14, с. 396].

Интересно замечание И. В. Арнольд о том, что эпитет представляет собой лексико-синтаксическое языковое средство в силу того, что данный элокутив функционирует как в качестве определения и обстоятельства, так и в качестве обращения [15, с. 130].

Функциональную специфику эпитета актуализирует Т. И. Сильман, отмечая тот факт, что он никогда не является «простым средством разовой коммуникации, действующим однолинейно и в течение краткого мгновения» [16, с. 97], он несет в себе определенное ситуативное содержание, часто чрезвычайно яркое и сгущенное, помогающее читателю лучше увидеть задуманный автором образ. Эпитет показывает меру понимания художником того или иного явления, природы вещей, души и действий человека. Говоря словами Льва Озерова, «эпитет начинается там, где кончается обычная регистрация, где кончаются роли летописца, где начинается художник, где есть яркое субъективное намерение в оценивании всего окружающего нас» (цит по: [16, с. 145]). Именно эту особенность эпитета мы и положим в основу разграничения неконтаминированного эпитета и логического определения.

Особую социолингвистическую роль анализируемого тропа фиксирует М. А. Рыбникова, говоря о том, что выбор эпитетов и их позиция в предложении зависит не только от эпохи и литературного направления, но и от социального положения автора и задач, которые он ставит перед собой [17, с. 204]. Подобным образом данный исследователь показывает соотнесенность коммуникативных стратегий и тактик с задачами общения, которые и определяют выбор того или иного эпитета.

На наш взгляд, слишком широкое понимание эпитета как любого определения, представленное в работах немецких стилистов, не позволяет вообще говорить о возможности типологического описания, а впоследствии — классификации, данного элокутива: «nähere Kennzeichnung eines in einem Substantiv oder Verb ausgedrucktem Begriffs, meist durch ein Adjektiv (die freundliche Strasse) oder ein Adverb (er lächelte freundlich)» [18, s. 52] («более подробное обозначение термина, выраженное существительным или глаголом, обычно с помощью прилагательного (дружелюбная улица) или наречия (он дружелюбно улыбнулся)») (здесь и далее перевод наш. — *И. П., Е. Ш.*).

Э. Ризель делает попытку укрупнить функциональную характеристику эпитета, говоря о том, что он выполняет одновременно как украшающую и эстетическую функцию, так и содержательную: «…ein nur schmückendes Beiwort kann es gar nicht geben, weil jedes Wort — auch das als Epitheton gebrauchte — immer gleichzeitig inhaltliche und ästhetische Aussagefunktion hat» [19, s. 84] («не может быть чисто декоративного эпитета, ибо каждое слово, даже употребляемое в качестве эпитета, всегда имеет одновременно и содержательную, и эстетическую функцию высказывания»). Таким образом, количество функций данного тропа возрастает до трех.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Общим в разных европейских языках является то, что эпитет не привязан строго к одному только прилагательному, а может быть выражен существительным в атрибутивной функции, наречием или даже предикативной единицей. В немецком языке, например, в качестве эпитета, по мнению некоторых исследователей, может рассматриваться сложное слово с характеризующей семантикой: ein Freundeslächeln (= дружелюбная улыбка) или компаративной семантикой: zitronengelb (= желтый, как лимон) [20, s. 41], что объясняется языковым строем.

Говоря о функциональной направленности, заметим, что любой троп (если это троп) выполняет в совокупности четыре основополагающие функции: 1) переводит представление в образ (по В. В. Виноградову: [3]); 2) усиливает впечатление от содержания речи; 3) выделяет предмет из ряда подобных; 4) эмоционально осмысливает происходящее. Данные функциональные характеристики тропа универсальны в любом дискурсе, однако в каждом ситуативном проявлении акцентируется одна из названных функций. Данное замечание касается и эпитета-тропа (см. примеры далее).

Обобщив представленные дефиниции эпитета, предложим свою. Под эпитетом целесообразно понимать прагматически значимое лексико-синтаксическое языковое средство с атрибутивной семантикой, функционирующее в качестве определения (согласованного — прилагательное, причастие, причастный оборот, предикативная определительная единица — глагол, определительное придаточное; несогласованного — существительное с предлогом), обстоятельства (наречие, деепричастие, деепричастный оборот) и обращения (согласованное определение), выполняющее четыре функции (образную, усилительную, выделительную и модальную). Выбор эпитета в тексте любого стиля, в том числе художественного, определяется его социолингвистической ролью: социально-историческими условиями, коммуникативными стратегиями и тактиками, типами языковых личностей адресанта и адресата, статусными отношениями между ними.

Накопленный массив эмпирического материала требует классификационного системного описания эпитета. Предлагается множество типологий, в основе которых лежат разные основания, связанные с многообразием подходов к описанию [21; 22; 23; 24] и др. Перед тем как представить свою классификацию на основе предложенной нами дефиниции, охарактеризуем наиболее значимые из существующих.

Первое разграничение восходит к оппозиции, заявленной еще в старинных риториках. В то время говорили о поэтическом (украшающем) и необходимом эпитетах [2, с. 5].

Обратив внимание на эту семантическую несбалансированность, немецкие лингвисты противопоставили эпитет обозначения (Adjektiv ader Bezeichnung) эпитету отношения (der Beziehung). Э. Ризель в связи с этим эпитет обозначения характеризует как постоянный, а эпитет отношения как украшающий [19, s. 84]. Считаем, что целесообразно определять последний вид эпитета как орнаментальный элокутив, в основе которого императивным оказывается метафорический перенос. Названный ученый в рамках эпитета рассматривает logisch-säch lich konkretisierende Epitheta (конкретизирующие эпитеты, не связанные с переносным значением слов: *grüne Wiese*) и emotional ein schatzende Epitheta (эмоциональные эпитеты = отдельные тропы, т. е. собственно эпитеты в русском языке), которые Э. Ризель относит к выразительным средствам (Bildlichkeit): *wunderschönes Wetter*.

Следует отметить, что эпитетов, не включающих в себя свойств других тропов, намного меньше, чем смешивающих в себе признаки различных тропов. Их особенность заключается в усилении эпитета через наложение на него метафоры, метонимии, гиперболы, литоты и других изобразительных средств. Иллюстрацию данного замечания можно найти у Ж. Марузо: *lachende Sonne, bittere Erfahrung* (= улыбающееся солнце, горький опыт) [14, с. 171]. Заметим, что в данном случае следует говорить о контаминации эпитета и метафоры. Обратим внимание на то, что данные примеры не являются дублетными: в первом случае на эпитет накладывается не просто метафора, а ее разновидность — олицетворение (ср. русское *озябшая листва*). Во втором же случае перед нами контаминированный метафорический эпитет (ср. русское *сладкий сон*).

Большое значение придается классификации эпитетов академика А. Н. Веселовского, основанной на семантическом принципе. «Эпитет, — пишет А. Н. Веселовский, — это

одностороннее определение слова, либо подновляющее его нарицательное значение, либо усиливающее, подчеркивающее какое-нибудь характерное, выдающееся качество предмета» [25, с. 59]. Им выделяются эпитеты тавтологические, пояснительные и метафорические.

Тавтологический эпитет представляет собой согласованный по смыслу троп, акцентирующий внимание на какой-нибудь основной, неотъемлемой специфической характеристике определяемого (*красная девица*). Такого рода эпитеты содержат в себе два слова, выражающие общую идею. Позволим себе не согласиться с целесообразностью выделения и номинации данного типа. Подобного рода эпитеты традиционно рассматриваются как устойчивые или эпитеты фразеологического типа: *добрый молодец, почтенный старец* и т. п.

Пояснительные эпитеты, по мнению А. Н. Веселовского, указывают на основополагающее свойство определяемого предмета, характерное не для всего класса, к которому он принадлежит (*столы белодубовые, ножки резвые*). Ученый делит пояснительные эпитеты на два вида: эпитет-метафору и синкретический эпитет.

Для метафорических эпитетов, как заявляет А. Н. Веселовский, характерна двуплановость, т. е. указание на сходства и различия определяющего и определяемого (*черная тоска*). Причем метафорические эпитеты он подразделяет на две группы: анимистичные метафорические эпитеты (неодушевленный предмет наделяется свойствами живого существа) (*мертвая тоска*) и антропоморфные метафорические эпитеты (приписывают человеческие свойства животному или предмету) (*тропа сомкнула свои зеленые уста*). В первом случае, по нашему мнению, целесообразно говорить о контаминированном эпитете, накладывающем на себя метафору в такой ее разновидности, как олицетворение. Во втором случае речь идет не просто о контаминации эпитета и метафоры (олицетворения), но об олицетворении в такой его разновидности, как персонификация. Таким образом, А. Н. Веселовский не обращает внимание на то, что персонификация есть разновидность олицетворения, которое, в свою очередь, представляет собой один из типов метафоры. Кроме того, не является прозрачным подобного рода разделение метафорических эпитетов: антропоморфными метафорическими эпитетами названы те, которые приписывают человеческие свойства животному (= персонификация) или предмету (= олицетворение, как и в первом типе — анимистичных эпитетах). Вообще не отмечен факт того, что метафорические эпитеты могут реализовываться не только в олицетворении и персонификации, но и в антиолицетворении (*золотой ребенок*) и, соответственно, антиперсонификации (*воркующие влюбленные*).

Синкретические эпитеты наблюдают в себе «слитность чувственных восприятий, которые первобытный человек выражал нередко одними и теми же лингвистическими показателями» [25, с. 62]. В пояснении к этому замечанию А. Н. Веселовский приводит иллюстрации, акцентируя внимание на схожести мировосприятия в разных языковых картинах мира, а значит, разных индоевропейских языках: *voix sombre* («темный голос» — фр.), *глухая ночь* (рус.), *froid noir* («черный холод» — фр.), *bleu sourd* («глухая синева» — фр.), *heller Ton* («светлый тон» — нем.), *voix blanche* («белый голос» — фр.), *светлое, ясное солнце*, *ясный* (= стремительный, быстрый) *сокол* (рус.) и т. д. Здесь А. Н. Веселовским соотносятся, как мы сейчас бы сказали, такие антонимические концепты, как *светлый/темный,* в их различных синонимических интерпретациях. Возможность существования этих интерпретаций возникает тогда, когда мы имеем дело с многозначным прилагательным. Ср.: *свежий воздух* (= чистый), *свежий хлеб* (= недавно испеченный), *свежий взгляд* (= новый, нетрадиционный) и т. д.

Выбранный А. Н. Веселовским семантический подход при типологизации эпитетов, без сомнения, продуктивен и значим для развития теории фигур. Однако смысловая синхрония, а также перспектива развития эпитета-тропа не всегда соотносимы с семантической диахронией не только в разных европейских языках, но и в одном отдельно взятом, например русском. Так, сегодня, на наш взгляд, обращаясь к классификации А. Н. Веселовского, целесообразно учитывать следующие моменты развития современной теории фигур (теории элокуции):

1) выделение тавтологического эпитета наряду с метафорическим не вполне корректно. Во-первых, потому, что предлагаемые ученым примеры не являются тавтологией в строгом смысле, а иллюстрируют собой плеонастические устойчивые сочетания. Во-вторых, понятия «тавтология» и «метафора» разнопорядковые: метафора — изобразительное средство (элокутив — троп), тавтология — результат использованных рядом однокоренных слов;

2) оппозиция «метафорический эпитет» / «синкретический эпитет» в рамках пояснительного также сегодня не может быть названа целесообразной. Во-первых, потому, что понятия «метафоричность» и «синкретичность» также не однопорядковые: метафоричность — процесс переноса признаков с одного предмета на другой по сходству; синкретичность — процесс объединения в одной языковой форме нескольких значений или компонентов значений разных языковых форм. Во-вторых, разница между данными понятиями, судя по примерам, трудноуловима, т. е. одни и те же эпитеты могут занимать позицию в диффузной зоне между синкретичностью и метафоричностью («черная тоска» / «черный холод»). В-третьих, как уже было отмечено, нет специальных пояснений по поводу типологизации самой метафоры, в связи с чем семантически смешиваются анимистичные и антропоморфные метафорические эпитеты, в основе которых, как мы говорим сегодня, лежит такой метафорический тип, как олицетворение с его подтипом — персонификацией. В-четвертых, не отмечен факт наличия «обратных» тропов — антиолицетворения и антиперсонификации, о которых мы писали ранее;

3) не отмечен факт контаминации эпитета и других тропов, кроме метафоры (= метафорический эпитет). Вместе с тем примеры иллюстрируют эти факты, например *резвые ножки* (об энергичном, подвижном человеке) (эпитет + метонимия + перифраз).

Существует классификация Г. Л. Абрамовича, в которой выделяются изобразительные и лирические эпитеты [26, с. 43]. На наш взгляд, нужно было бы назвать эти эпитеты эпическими и лирическими, а не «изобразительными и лирическими»,

так как признаком изобразительных эпитетов считается отсутствие в них «оценочного элемента» (*столы дубовые*).

Обобщая рассмотренную информацию в рамках становления стилистики как научной отрасли гуманитарного знания и практической учебной дисциплины, включающей в себя такой раздел риторического канона, как теория фигур (теория элокуции) (см. об этом подробнее: [27; 28, с. 147–149]), предложим собственную типологию эпитета.

Собранный нами языковой материал позволяет говорить о том, что эпитет как троп ведет себя схоже в разных европейских языках (см. об этом подробнее: [28, с. 147–149; 29, с. 204–207]).

Таким образом, считаем целесообразным классифицировать эпитеты, учитывая их возможность вступать в контаминацию с другими тропами. В связи с этим выделим следующие группы:

1) «чистые», или неконтаминированные, эпитеты, т. е. те, на которые не накладывается(-ются) иной(-ые) троп(-ы):

– русский язык: *Весть о гибели Берлиоза распространилась по всему дому с какою-то сверхъестественной быстротою* (М. Булгаков «Мастер и Маргарита»);

– немецкий язык: *zu herrlichsten Parfums* (= самые красивые духи) (P. Süskind «Das Parfum»); *Holder Knabe* (= дорогой мальчик) (J. Mohr «Stille Nacht, heilige Nacht»); *Ich sagte mitfühlend* (= я сказал сочувственно) (Karl Heinz Berger «Wein für ehren werte Männer»);

– английский язык: *It was hot, stuffy summer day* (= это был жаркий, душный летний день) (Daphne du Maurier «My cousin Rachel»); *to make it better and nobler* (= чтобы сделать его лучше и благороднее) (Jerome K. Jerome «Three Men in a Boat»); *a beautiful September evening, windless, very peaceful* (= прекрасный сентябрьский вечер, безветренный, очень мирный) (Dodie Smith «The Hundred and One Dalmatians»);

– французский язык: *Elle était rêche, revêche* (= она была грубой, угрюмой) (V. Hugo «Les Misérables»); *Elle était petite, jeune, bien faite* (= она была маленькая, молодая, стройная) (P. Mérimée «Carmen»);

2) контаминированные эпитеты, на которые аппликацируются другие тропы (метафора, метонимия, гипербола, литота и др.) и/или фигуры:

– русский язык: *Сквозь волнистые туманы пробирается луна* (эпитет + метафора) (А. С. Пушкин «Зимняя дорога»); *Черт так не играет, как он, проклятый, играл на контрабасе* (эпитет + астеизм) (А. П. Чехов «В приюте для неизлечимо больных и престарелых»); *Ночь была так черна, что вплотную столкнувшись лицами, нельзя было видеть друг друга* (эпитет + гипербола) (А. А. Фадеев «Молодая гвардия»);

– немецкий язык: *die trüben Scheiben* (= мутные стекла) (эпитет + метафора) (F. Dürrenmatt «Der Richter»); *Sie kämmt ihr goldenes Haar* (= она расчесывает свои золотые волосы) (эпитет + метафора + метонимия) (H. Heine «Loreleilied»); *Und so dick, wie ‘n wandelnder Mehlsack!* (= и такой толстый, как ходячий мешок с мукой!) (W. Bredel «Die Väter»);

– английский язык: *our tender summer* (= наше нежное лето) (эпитет + олицетворение) (E. Hemingway «A Farewell to Arms»); *With His Subtle Smile* (= своей тонкой улыбкой) (эпитет + метафора) (O. Wilde «The Picture of Dorian Grey»); *own bright eyes* (= свои яркие глаза) (эпитет + метафора) (W. Shakespeare «Sonnet 1»);

– французский язык: *Ses yeux surtout avaient une expression à la fois voluptueuse et farouche que je n’ai trouvée depuis à aucun regard humain* (= в его глазах было особенно сладострастное и свирепое выражение, которого я с тех пор не встречал ни в одном человеческом взгляде) (эпитет + антиолицетворение (антиперсонификация) + гипербола + антитеза) (P. Mérimée «Carmen»); *Une tête d’oiseau ridé, solennelle et bête* (= морщинистая, торжественная и глупая птичья голова) (эпитет + олицетворение (персонификация) + антитеза) (A. Daudet «Lettresà un absent»); *Elle était séche, pointue, epineuse, presque venimeuse* (= он был сухой, острый, колючий, почти ядовитый) (эпитет + метафора + климакс) (V. Hugo «Les Misérables»).

Заключение (Conclusion)

Таким образом, предложенная нами классификация эпитетов, отделяющая их от логических определений и включающая деление на неконтаминированные («чистые») и контаминированные (с наложением на них других тропов и/или стилистических фигур), объективна: собранный материал показал, что названные нами виды присутствуют в разных европейских языках.

Проведенное исследование теоретически и практически значимо. Теоретическая значимость заключается в предложении комплексного определения эпитета и системной классификации данного тропа. Практическая ценность состоит в возможности использования полученных результатов в преподавании дисциплин речеведческого характера, а также в практике коммуникативного воздействия на аудиторию.

Библиографический список

1. Античные теории языка и стиля / под общ. ред. О. М. Фрейденберг. М. ; Л. : Наука, 1936. 332 с.

2. Зеленецкий А. Эпитеты литературной русской речи. М. : Изд-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1913. Ч. 1. 200 с.

3. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 255 с.

4. Беззубикова М. В. Дискурсивные эпитеты как средство создания художественной картины мира в текстах малых жанровых форм // Гуманитарные исследования. 2009. № 3 (31). С. 118–124.

5. Выстропова О. С. Вербализация эпитетами концепта «труд» в творчестве Р. Бёрнса // Язык и культура (Новосибирск). 2013. № 4. С. 152–156.

6. Горбачевич К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка. СПб. : Норинт, 2000. 224 с.

7. Кухаренко В. А. Практикум по стилистике английского языка : учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1986. 144 с.

8. Павшук А. В. Языковая природа и функции эпитета в художественном тексте (на материале романа Асорина «Воля») : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2007. 21 с.

9. Шалыгин А. Теория словесности и хрестоматия. Пятигорск : Изд-во Пятигор. ун-та, 1916. 283 с.

10. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. 459 с.
11. Квятковский А. П. Поэтический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1966. 375 с.
12. Тимофеев Л. И. Основы теории литературы : учеб. пособие. М. : Просвещение, 1971. 464 с.
13. Кожина М. Н. Стилистика русского языка : учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Просвещение, 1983. 223 с.
14. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов / пер. с фр. Н. Д. Андреева ; под ред. А. А. Реформатского ; предисл. В. А. Звегинцева. М. : Изд-во иностранной литературы, 1960. 436 с.
15. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык : учеб. 4-е изд., испр. и доп. М. : Флинта : Наука, 2002. 384 с.
16. Сильман Т. И. Подтекст — это глубина текста // Вопросы литературы. 1969. № 1. С. 89–102.
17. Рыбникова М. А. Введение в стилистику. М. : Советский писатель, 1937. 284 с.
18. Krahl S., Kurz J. Kleines Wörterbuch der Stilkunde. Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1977. 141 s.
19. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. M. : Hochschule, 1975. 315 s.
20. Faulseit K. Stilistische Mittel und Möglichkeiten der deutschen Sprache. Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1975. 316 s.
21. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л. : Наука, 1977. 407 с.
22. Кубаева Ф. Р. О когнитивно-семантических параметрах сочетаемости признаковых слов с существительными в перенесенном эпитете // Вестн. Пятигор. гос. лингв. ун-та. 2009. № 1. С. 111–115.
23. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. 3-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д. : Феникс, 2007. 940 с.
24. Фадеева Т. М. Основные единицы, выражающие определяемые объекты при сложных эпитетах // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. : Русская филология. 2010. № 5. С. 24–30.
25. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М. : Высшая школа, 1989. 406 с.
26. Абрамович Г. Л. Введение в литературоведение : учеб. М. : Просвещение, 1970. 390 с.
27. Пекарская И. В. Теория элокуции на современном этапе: актуальная проблематика и перспективы разработки // Русское слово в мировой культуре. Русский язык и русская речь сегодня: старое — новое — заимствованное : X Конгресс Междунар. ассоциации преподавателей рус. языка и литературы. СПб. : Политехника, 2003. С. 301–311.
28. Сопоставительная стилистика : учеб. пособие / И. В. Пекарская, Е. С. Грищева, В. Г. Карпов [и др.]. Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2014. 309 с.
29. Шпомер Е. А. Коммуникативные неудачи в диалогическом общении в соотнесенности с коммуникативными законами и типами языковой личности (на материале немецкого языка) : моногр. Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2011. 292 с.

References

Abramovich G. L. (1970) *Vvedenie v literaturovedenie [Introduction to Literary Studies]**. Moscow, Prosveshchenie Publ., 390 p. (in Russian)

Arnol'd I. V. (2002) *Stilistika. Sovremennyi angliiskii yazyk [Stylistics. Modern English]**. 4th ed. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 384 p. (in Russian)

Bezzubikova M. V. (2009) Diskursivnye ehpitety kak sredstvo sozdaniya khudozhestvennoi kartiny mira v tekstakh malykh zhanrovykh form [Discursive Epithets As a Means of Creating an Artistic Picture of the World in Texts of Small Genre Forms]*, *Gumanitarnye issledovaniya [Humanitarian Researches],* no. 3 (31), pp. 118–124. (in Russian)

Fadeeva T. M. (2010) Osnovnye edinitsy, vyrazhayushchie opredelyaemye ob"ekty pri slozhnykh ehpitetakh [The Main Units Expressing Definite Objects of Compound Epithets], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology],* no. 5, pp. 24–30. (in Russian)

Faulseit K. (1975) *Stilistische Mittel und Möglichkeiten der deutschen Sprache.* Leipzig, VEB Bibliographisches Institut Publ., 316 s. (in German)

Freidenberg O. M. (ed.) (1936) *Antichnye teorii yazyka i stilya [Ancient Theories of Language and Style]**. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 332 p. (in Russian)

Gal'perin I. R. (1958) *Ocherki po stilistike angliiskogo yazyka [Essays On the Style of the English Language]**. Moscow, Literatura na inostrannom yazyke Publ., 459 p. (in Russian)

Gorbachevich K. S. (2000) *Slovar' ehpitetov russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of Epithets of the Russian Literary Language]**. Saint Petersburg, Norint Publ., 224 p. (in Russian)

Kozhina M. N. (1983) *Stilistika russkogo yazyka [Stylistics of the Russian Language]**. 2nd ed. Moscow, Prosveshchenie Publ., 223 p. (in Russian)

Krahl S., Kurz J. (1977) *Kleines Wörterbuch der Stilkunde*. Leipzig, VEB Bibliographisches Institut Publ., 141 s. (in German)

Kubaeva F. R. (2009) O kognitivno-semanticheskikh parametrakh sochetaemosti priznakovykh slov s sushchestvitel'nymi v perenesennom ehpitete [Toward the Cognitive-Semantic Parameters Attribute Word-Noun Combinability in the Transferred Epithet], *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin],* no. 1, pp. 111–115. (in Russian)

Kukharenko V. A. (1986) *Praktikum po stilistike angliiskogo yazyka [Workshop on English Stylistics]**. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 144 p. (in Russian)

Kvyatkovskii A. P. (1966) *Poehticheskii slovar' [Poetic Dictionary]**. Moscow, Sovetskay ehntsiklopediya Publ., 375 p. (in Russian)

Marouzeau J. (1960) *[Lexique de la terminologie linguistique Francais]**. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 436 p. (in Russian)

Moskvin V. P. (2007) *Vyrazitel'nye sredstva sovremennoi russkoi rechi. Tropy i figury. Terminologicheskii slovar' [Expressive Means of Modern Russian Speech. Paths and Figures. Terminological Dictionary]**. 3rd ed. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 940 p. (in Russian)

Pavshuk A. V. (2007) *Yazykovaya priroda i funktsii ehpiteta v khudozhestvennom tekste (na materiale romana Asorina "Volya") [Linguistic Nature and Functions of the Epithet in a Literary Text (Based on Asorin's Novel "Will"]*,* Cand. philol. sci. diss. Abstr. Moscow, 21 p. (in Russian)

Pekarskaya I. V. (2003) Teoriya ehlokutsii na sovremennom ehtape: aktual'naya problematika i perspektivy razrabotki [The Theory of Elocution at the Present Stage: Current Issues and Prospects for Development]*, *Russkoe slovo v mirovoi kul'ture. Russkii yazyk i russkaya rech' segodnya: staroe — novoe — zaimstvovannoe [Russian Word in World Culture. Russian Language and Russian Speech Today: Old — New — Borrowed]**. Saint Petersburg, Politekhnika Publ., pp. 301–311. (in Russian)

Pekarskaya I. V., Grishcheva E. S., Karpov V. G., Savchenko V. A., Shpomer E. A. (2014) *Sopostavitel'naya stilistika [Comparative Style]**. Abakan, Khakasskii gosudarstvennyi universitet imeni N. F. Katanova Publ., 309 p. (in Russian)

Riesel E., Schendels E. (1975) *Deutsche Stilistik*. Moscow, Hochschule Publ., 315 s. (in German)

Rybnikova M. A. (1937) *Vvedenie v stilistiku [Introduction to Style]**. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 284 p. (in Russian)

Shalygin A. (1916) *Teoriya slovesnosti i khrestomatiya [Theory of Literature and Lore]**. Pyatigorsk, Pyatigorskii universitet Publ., 283 p. (in Russian)

Shpomer E. A. (2011) *Kommunikativnye neudachi v dialogicheskom obshchenii v sootnesennosti s kommunikativnymi zakonami i tipami yazykovoi lichnosti (na materiale nemetskogo yazyka) [Communicative Failures in Dialogic Communication in Correlation with Communicative Laws and Types of Linguistic Personality (Based on the Material of the German Language)]*.* Abakan, Khakasskii gosudarstvennyi universitet imeni N. F. Katanova Publ., 292 p. (in Russian)

Sil'man T. I. (1969) Podtekst — ehto glubina teksta [Subtext Is the Depth of the Text]*, *Voprosy literatury [Questions of Literature]*,* no. 1, pp. 89–102. (in Russian)

Timofeev L. I. (1971) *Osnovy teorii literatury [Fundamentals of the Theory of Literature]**. Moscow, Prosveshchenie Publ., 464 p. (in Russian)

Veselovskii A. N. (1989) *Istoricheskaya poehtika [Historical Poetics]**. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 406 p. (in Russian)

Vinogradov V. V. (1963) *Stilistika. Teoriya poehticheskoi rechi. Poehtika [Stylistics. Theory of Poetic Speech. Poetics]**. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 255 p. (in Russian)

Vystropova O. S. (2013) Verbalizatsiya ehpitetami kontsepta "trud" v tvorchestve R. Bernsa [Verbalization by Epithets of the Concept "Labor" in the Work of R. Burns]*, *Yazyk i kul'tura (Novosibirsk) [Language and Culture (Novosibirsk)]*,* no. 4, pp. 152–156. (in Russian)

Zelenetskii A. (1913) *Ehpitety literaturnoi russkoi rechi [Epithets of Literary Russian Speech]*. Moscow, Skoropechatnya A. A. Levensona Publ., part 1, 200 p. (in Russian)

Zhirmunskii V. M. (1977) *Teoriya literatury. Poehtika. Stilistika [Theory of Literature. Poetics. Stylistics]**. Leningrad, Nauka Publ., 407 p. (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен авторами статьи / Translated by the authors of the article.